

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A. I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2003

вып. XIII

УДК 595.781

**ПУТЕШЕСТВИЕ Л. ГРЕЗЕРА (1881–1885 гг.) И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ (LEPIDOPTERA, INSECTA)
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹**

Е. В. Новомодный

Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова,
г. Хабаровск

Дан анализ деятельности немецкого энтомолога Л. Грезера (1840–1913 гг.). Сделан исторический обзор энтомологических исследований периода пребывания Л. Грезера на Дальнем Востоке России (1881–1885 гг.). Публикуется перевод общей части работы Л. Грезера (1888), посвященный описанию жизненных подробностей его путешествия и наблюдений дальневосточной природы.

Изучение насекомых российской окраины – Восточной Сибири и Дальнего Востока совсем не случайно началось с экспедиционных сборов русских ученых немецкого происхождения: И.Ф. Эшшольца, К.Г. Мертенса, А.Ф. Миддендорфа, Ю.П. Штуббендорфа, К. фон Дитмара, Л.И. Шренка, Г.И. Радде, Р.К. Маака (Куренцов, 1974; Лелей, 1992). Это было во времена бурного развития систематического накопления знаний в энтомологии, а Германия, особенно в области лепидоптерологии, являлась ее центром (Некрутенко, 1990). Коллекционирование чешуекрылых было в Европе довольно модным, относительно доступным и демократичным занятием в среде состоятельных людей. По соображениям безопасности европейцы могли свободно и без риска для жизни исследовать богатую и экзотичную маньчжурскую фауну лишь на территории Российской империи. Это был один из тех счастливых случаев, когда коммерция и наука, к обоюдной выгоде, шли рядом. Подрабатывали сбором

¹ Доклад прочитан на XII чтениях памяти А.И. Куренцова.

материала в природе как местные собиратели-естественники (М.И. Янковский, Б.И. Дыбовский), так и иностранные коллекторы-профессионалы, добывавшие таким способом средства к существованию. Такое совмещение занятий было широко распространено в среде немецких купцов из прибалтийских вольных торговых городов. Видимо, многие из них свои деловые поездки совмещали со сборами естественно-исторических материалов. Так, например, очень характерный восточно-азиатский род ранневесенних парусников – «людорфия» назван в честь Фридриха Эвальда Августа Людорфа [F.E.A. Luehdorf], одного из иностранных купцов первой гильдии, проживавшего в 1859–1869 гг. в Николаевске-на-Амуре (Троицкая, 1999)². За успешную основную деятельность военный губернатор Приморской области И.Х. Фуругельм [I.H. Furuuhjelm], сам известный поставщик энтомологических коллекций (Лелей, 1992), даже представил Ф.А. Людорфа к русской награде. Интересно, что это обстоятельство не умалчивалось даже в советский период: «В дореволюционное время частные предприниматели вели торговлю дальневосточными насекомыми, продавая их коллекционерам всего мира» (Ливеровский, Колесников, 1949). «Их сборы бабочек и птиц находили живой спрос у быстро растущих музеев Европы, являлись материалом для научной работы богатых любителей и ученых. Работой всех этих лиц фауна Уссурийского края была выяснена процентов на 80 своего состава» (Шульпин, 1936).

Среди всех перечисленных сборщиков особое место занимает Л. Грезер, сборы которого субсидировал гамбургский предприниматель В. Дикманн. А.К. Мольтрехт вообще считал его «...главным исследователем амурской фауны чешуекрылых прошлого [XIX] столетия» (Мольтрехт, 1929). По моему мнению, на Дальнем Востоке России стационарных работ такого размаха, объема и целенаправленности никогда больше не проводилось. По их результатам Л. Грезером была подготовлена и опубликована состоящая из нескольких выпусков весьма детализированная сводка в 270 страниц (Graeser, 1888–1890, 1892a, b). В числе ее достоинств энтомологи отмечают прежде всего то, что «...в ней уделяется большое внимание распространению, численности и условиям обитания всех наблюдаемых автором в природе видов. Многие изучены во всех стадиях развития, подробно описаны морфология и развитие их гусениц» (Куренцов, 1974). Для нас, людей XXI в., эти свидетельства особенно важны, так как их автор застал еще малоизмененные человеческой деятельностью природные сообщества. «Уссурийская энтомофауна импонирует своим богатством... благодаря тому, что русские пионеры культуры застали... ещё девственную тайгу, и что немецкие исследователи, как консерватор Гамбургского музея К. Грезер, усердно занялись изучением чешуекрылых» (Мольтрехт, 1923). До сих пор этот труд является ценнейшим источником сведений о бабочках юга Дальнего Востока, активно цитируется даже в новейших изданиях (Коршунов, Горбунов, 1995; Коршунов, 2000).

² Указание, что Ф.А. Людорф жил некоторое время во Владивостоке (Куренцов, 1974) – ошибочно.

К сожалению, опубликованный на немодном нынче немецком языке, он используется сейчас лишь в качестве справочника, выборочно, к тому же является большой библиографической редкостью, поэтому жизненные подробности вояжа, общие наблюдения и выводы Л. Грезера о дальневосточной природе у нас практически не известны. Исходя из этого, мы решили опубликовать перевод общей части³, содержащей эти сведения. До настоящего времени в русскоязычной дальневосточной литературе тема путешествий за насекомыми нашла отражение лишь в научно-художественных книгах А.И. Куренцова (1973) и Ю.С. Аракчеева (1985). Тем более интересно взглянуть на наш край глазами европейского энтомолога позапрошлого века. Квалифицированный перевод с копии по нашей просьбе был выполнен заведующей отделом Хабаровского краевого краеведческого музея (ХККМ) А.Н. Гордеевой, за что мы ей весьма признательны. Я провел общее редактирование, а также ввел свои примечания. К научным названиям насекомых мною добавлены их русские эквиваленты, а у растений они приведены в соответствие с современной номенклатурой. Согласно надписи на титульном листе находящейся у нас работы Л. Грезера, она была получена библиотекой ОИАК 27 июня 1910 г., вероятнее всего, через доктора А. Мольтрехта.

Прежде чем перейти непосредственно к изложению перевода Л. Грезера, необходимо сказать несколько слов о самом авторе и его окружении. Людвиг Карл Фридрих Грезер [Ludwig Carl Friedrich Graeser] родился в Дрездене 2 декабря 1840 г., а умер 12 сентября 1913 г. в Гамбурге⁴. По какой-то причине сам он предпочитал подписываться именем Луи [Louis] (Graeser, 1888–1890, 1892a, b). Дальневосточный лепидоптеролог, директор музея Общества изучения Амурского края (ОИАК), глазной врач Арнольд Карлович Мольтрехт из Владивостока, видимо, знакомый с ним лично, в своих работах чаще называет его Куртом [Kurt] (Мольтрехт, 1923, 1929).

Согласно данным немецкого энтомолога и историка доктора Р. Гедике⁵, Л. Грезер был переплетчиком, однако А. Мольтрехт называл его консерватором Гамбургского естественно-исторического музея (Мольтрехт, 1923, 1929). Скорее всего, именно так и сложился его жизненный путь. Л. Грезер описал в своей работе много новых видов, а двадцать пять из них назвал в честь близких ему по духу людей, очертив тем самым круг своего научного общения. Наставником в энтомологии и другом юности он называет аптекаря из городка Морицбурга близ Дрездена Т. Хеденуса [Theodor Hedenus]. Здесь же находим имена друзей-коллекционеров: Р. Танкрэ [Rudolf Tancre] из Анклама, Г. Креффт [Gustav Kraefft], Ф. Дёпприс [Fritz Doerries], К. Хёре [Karl Hoege], К. Бурместер

³ Graeser L. Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes // Berl. Entomol. Zeitschrift. 1888. Teil 1, Bd 32. H. 1. S. 33–61.

⁴ Gaedike R. Biographischer Katalog über Entomologen der Welt: Lebensdaten, Zitate von Würdigungen und Nekrologen sowie Angaben zum Verbleib ihrer Sammlungen. http://www.zalf.de/deid/dei_gaed.htm

⁵ Ibid.

[Karl E. Burmester], Г. Хельссен [Gustav Haelssen], А. Заубер [Amandus Sauber] из Гамбурга. Не забыты и энтомологи-профессионалы, у которых ему довелось консультироваться при определении собранного материала. Это сотрудники энтомологического кабинета Великого князя Н.М. Романова: консерватор-хранитель коллекции Г.Ф. Христоф [Hugo Theodor Christoph], работавший в 1876 г. совместно с известными коллекторами, братьями Рюкбайль [Ruckbeil] в Приамурье и Приморье (Куренцов, 1974) и К. А. Фиксен [Karl Fixsen] из Санкт-Петербурга; берлинцы Э.Г. Хонрат [Eduard G. Honrath], Х. Девитц [Hermann Dewitz], куратор энтомологического отдела Берлинского музея естественной истории Ф. Карш [Ferdinand Karsch] и А. Рогенхофер [Aloys Rogenhofer] из Вены. Удивляет только, что в этом списке отсутствует имя его земляка О. Штаудингера [Otto Staudinger], основавшего в 1858 г. в Блазевице близ Дрездена крупнейшую в Европе фирму, торговавшую насекомыми. О. Штаудингер имел наиболее полную коллекцию бабочек Палеарктики и был крупнейшим специалистом-лепидоптерологом (Некрутенко, 1990; Ламперт, 1913; Horn et al., 1990). В своём труде Л. Грезер упоминает только его печатные работы, а это значит, что он не консультировался с О. Штаудингером. Скорее всего, причиной тому была конкуренция между фирмами, делающими бизнес на насекомых.

Особенно тепло Л. Грезер отзывается о Фердинанде Циммерманне [Ferdinand Zimmermann], директоре Восточно-Сибирской почтово-телеграфной конторы в г. Благовещенске, «...который проявил живой интерес к нашей науке» (Graeser, 1888a,b). Почти все сборы из этого места Грезер получил именно благодаря его старательности и упорству. Циммерманн предоставил в его распоряжение также материал из долины р. Уссури. Весьма вероятно, что к коллекционированию его прирастили останавливавшиеся и работавшие в Благовещенске в 1876 г. Г. Христоф и в 1877 г. любитель бабочек, майор русской армии В. Хедеман [Wilhelm von Hedemann] (Куренцов, 1974). (Последний, как и Грезер, назвал в честь Циммерманна один из новых видов.) Нет сомнения, что с Ф. Циммерманном дружил также организатор поездки Л. Грезера на Дальний Восток В. Дикманн, доказательством чему служит почтовая карточка с изображением Главной почтовой конторы в Благовещенске, выпущенная фирмой «H.W. Dieckmann» из Гамбурга⁶. Специалисты считают этот случай уникальным.

Именно Вильгельму Дикманну-младшему [Dieckmann, H. Wilhelm jun.], большому любителю и коллекционеру бабочек, Л. Грезер в немалой степени обязан своим успехом. Их имена в истории по справедливости должны стоять рядом. Вместо предварительно оговоренных трех лет экспедиция продолжалась почти пять. В. Дикманн потратил, очевидно, немалые средства на ее организацию. О стоимости экспедиционных исследований в те времена можно судить по известному свидетельству Г.Е. Грумм-Гржимайло, на годичную поездку которого в Среднюю Азию Великий князь Н. М. Романов выделил в

⁶ <http://nestor.minsk.by/ph/postcards/siberia/fareast.html>

1884 г. 4 тыс. руб. (Грумм-Гржимайло, 1947). Какая часть собранного по договору материала отходила в распоряжение Дикманна, точно не известно; скорее всего – основная. Но и оставшаяся часть была немалой, если на протяжении многих лет, а именно, с 1886 по 1895 гг., Л. Грезер «...торговал сборами из Восточной Сибири»⁷. Вопреки данным А.И. Куренцова (Куренцов, 1974), В. Дикманн приехал на Дальний Восток не в 1877 г. и в Благовещенске постоянно не жил, а вел подобающий купцу очень подвижный, разъездной образ жизни. Зимой 1863/64 г. он впервые проехал через Россию вместе с земляком, 27-летним купцом Густавом Кунстом (тем самым Кунстом, который вскоре стал одним из совладельцев известнейшего на Дальнем Востоке торгового дома «Кунст и Альберс», чьи великолепные здания до сих пор украшают главные дальневосточные города) сперва поездом от Москвы до Нижнего Новгорода, потом в санях до Иркутска, а весной – пароходом вниз по Амуру. «До Николаевска спутники добрались лишь летом 1864 г. Оттуда до Шанхая Кунст ехал пароходом уже один, так как Дикманн остался в Николаевске, где решил основать свое дело» (Deeg, 1996)⁸. Оптовые торговцы по роду занятия интернационалы. Скорее всего, по этой причине, первый исследователь приамурских лесов А.Ф. Будищев, видевший там его лесозаготовки и пристань, назвал В. Дикманна американским купцом (Будищев, 1898). Впоследствии В. Дикманн, кроме торговли, занимался и другими прибыльными делами, в том числе золотодобычей. Где бы ни находился он по служебным делам, при первой возможности брал в руки энтомологический сачок. Скорее всего, очень активная жизнь подорвала здоровье и он умер в ноябре 1898 г. в Германии, в городе Гримма [Grimma] под Лейпцигом⁹. Ему было около шестидесяти лет.

Судьба коллекций В. Дикмана и Л. Грезера сложилась благополучно, они влились в крупные собрания государственных учреждений. Первая, при посредничестве немецкого торговца насекомыми М. Бартеля [Max Bartel], была приобретена в 1910 г. Зоологическим музеем РАН в г. Санкт-Петербурге, где и находится сейчас. Коллекция Л. Грезера поступила в 1914 г. непосредственно в Зоологический музей г. Гамбурга, и лишь сборы пядениц, пробыв некоторый срок в коллекции А. Заубера, оказались там¹⁰.

Я уверен, что у них были и платные сборщики из местных жителей, причём из казаков. Например, в 1891 г. В. Дикманн привез сборы бабочек из станицы Козловка на р. Уссури. Но ведь это родина потомственного уссурийского каза-

⁷ Gaedike R. Biographischer Katalog über Entomologen der Welt: Lebensdaten, Zitate von Würdigungen und Nekrologen sowie Angaben zum Verbleib ihrer Sammlungen. http://www.zalf.de/deid/dei_gaed.htm

⁸ В своей книге немецкий журналист Л. Деег также отмечает молодость В. Дикманна, по-видимому, с Л. Грезером они были ровесниками – Е.Н.

⁹ Gaedike R. Biographischer Katalog über Entomologen der Welt: Lebensdaten, Zitate von Würdigungen und Nekrologen sowie Angaben zum Verbleib ihrer Sammlungen. http://www.zalf.de/deid/dei_gaed.htm

¹⁰ Ibid.

ка П.Т. Быкова! Он был заядлым охотником и рыболовом, любознательным натуралистом по духу, а впоследствии – учителем, экономом Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса, первым таксидермистом Гродековского музея, поставившим коллекции насекомых – жуков и бабочек для Академии наук в Санкт-Петербурге и для Хабаровского музея (Новомодный, 1999). По данным Т.В. Мельниковой (ХККМ) в Козловке он провел «безвыездно» 25 лет, с 1866 по 1891 гг. Его старшая дочь написала в воспоминаниях, что «Отец ловил, умерщвлял и специально заготавливал целые коллекции редких сибирских бабочек (особенно ночных) по заказу какого-то специального общества в Голландии» (Мельникова, 2001).

Целый ряд дальневосточных бабочек назван в честь друга Л. Грезера Рудольфа Танкрэ из Анклама, нескольких он описал сам. Однако о том, что Танкрэ много лет собирал здесь бабочек, разъезжая по делам своей торговой фирмы, не известно даже многим лепидоптерологам. Вышеупомянутые спутники Х. Христофа в дальневосточном путешествии 1876 г. братья Рюкбайль работали на торговую фирму Танкрэ (Коршунов, 2000). Они доставляли «...шкурки птиц, их яйца, мелких грызунов, а из насекомых – бабочек и жуков» (Грумм-Гржимайло, 1947). В 1892 г. Л. Грезер пишет, что получил от Танкрэ объемные посылки с Амура, в качестве мест сбора названы Раддевка, Помпеевка, Сидеми (Graeser, 1892).

По характеру работ Л. Грезера можно утверждать, что он был весьма искусственным человеком в содержании, или, точнее, в «воспитании» гусениц. Приемы и методы им были восприняты, видимо, еще от его учителя. Кроме того, к этому делу он относился со всей отдачей, как к серьезной работе. В обыденном сознании большинства людей это занятие расценивается как, мягко говоря, несерьезное. Его исключительное усердие и самоотверженность может оценить только специалист, ведь ему приходилось одновременно заниматься сразу всем: дневным и ночным ловом бабочек, сбором гусениц, выведением их из яиц и воспитанием в садках до выхода бабочек (и это многих десятков и сотен особей десятков видов!), добытием и препарированием птиц. Даже учитывая, что у него были помощники, результаты этой работы не могут не впечатлять.

Современно звучат его заметки о наших краях. Ему довелось побывать и охватить исследованиями основные физико-географические «разности», он сознательно работал на ключевых, характерных участках Верхнего, Среднего и Нижнего Амура, а также на южно-приморском побережье. Поразительно, но когда волею случая ему пришлось зимовать на месте будущего Комсомольска-на-Амуре, он интуитивно сумел предсказать ему известность в энтомологических кругах. Действительно, сейчас дальние и ближние окрестности города являются излюбленным местом коллекционеров насекомых.

ЛИТЕРАТУРА

Аракчеев Ю.С. В стране Синих махаонов. М.: Детская литература, 1985. 208 с.

Будищев А.Ф. Описание лесов южной части Приморской области. Хабаровск, 1898. 297 с.

Грумм-Гржимайло А.Г. Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа). 1860–1936. М.: Изд-во МОИП, 1947. 94 с.

Корищнов Ю.П., Горбунов П.Ю. Дневные бабочки азиатской части России: Справочник. Екатеринбург: Уральский ун-т, 1995. 202 с.

Корищнов Ю.П. Булавоусые чешуекрылые Урала, Сибири и Дальнего Востока: Определитель и аннотации. Новосибирск, 2000. 218 с.

Куренцов А.И. Бабочки – Macrolepidoptera – вредители деревьев и кустарников Уссурийского края // Тр. Горнотаежной станции ДВ фил. АН СССР. Т. 3. Владивосток, 1939. С.107–210.

Куренцов А.И. Мои путешествия. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 624 с.

Куренцов А.И. Зоогеография Дальнего Востока СССР на примере распространения чешуекрылых – Rhopalosega. Новосибирск: Наука, 1974. 159 с.

Ламперт К. Атлас бабочек и гусениц Европы и отчасти русско-азиатских владений. СПб: Изд-во Девриена, 1913. 9+486 с.

Лелей А.С. История энтомологических исследований на Дальнем Востоке // Чтения памяти А.И. Куренцова. Вып. 1–2, Владивосток: ДВО АН СССР, 1992. С. 12–20.

Ливеровский Ю.А., Колесников Б.П. Природа южной половины советского Дальнего Востока. М.: Изд-во геогр. лит-ры, 1949. 282 с.

Мельникова Т.В. Первый препарат Хабаровского краеведческого музея // Записки Гродековского музея. Вып. 2. История России на дальневосточных рубежах. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2001. С. 132–138.

Мольтрехт А.К. Географическое распространение чешуекрылых Приморья // Приморье. Его природа и хозяйство. Владивосток: Владивосток. отд. Госкниги, 1923. С. 123–127.

Мольтрехт А.К. О географическом распространении чешуекрылых Дальневосточного края, с выделением в особую фауну уссурийских Lepidoptera // Записки Владивостокского отдела Государственного Русского геогр. о-ва. Владивосток: Книжное дело, 1929. С. 5–70.

Некрутенко Ю.П. Дневные бабочки Кавказа: Определитель. Киев: Наукова думка, 1990. 216 с.

Новомодный Е.В. Энтомологические коллекции Гродековского музея до 1917 г. // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: Материалы Вторых Гродековских чтений (Хабаровск, 29–30 апреля 1999 г.) / Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Частная коллекция, 1999. С. 301–304.

Троицкая Н.А. Предпринимательская и общественная деятельность коммерсанта Фридриха Людорфа на Дальнем Востоке // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: Материалы Вторых Гродековских чтений (Хабаровск, 29–30 апреля 1999 г.) / Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Частная коллекция, 1999. С. 28–31.

Шульпин Л.М. Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья. Владивосток: ДВФ АН, 1936. 436 с.

Deeg L. Kunst & Albers Wladiwostok: Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten (1864–1924). Essen: Klartext, 1996. 320 S.

Graeser L. Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes // Berl. Entomol. Zeitschrift. 1888a. Teil 1, Bd 32, H. 1. S. 33–153.

Graeser L. Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes // Berl. Entomol. Zeitschrift. 1888b. Teil 2, Bd 32, H. 2. S. 309–414.

Graeser L. Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes // Berl. Entomol. Zeitschrift. 1889. Teil 3, Bd 33, H. 2. S. 261–268.

Graeser L. Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes // Berl. Entomol. Zeitschrift. 1890. Teil 4. Bd 35, H. 1. S. 71–84.

Graeser L. Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes // Berl. Entomol. Zeitschrift. 1892. Teil 5. Bd 37, H. 2. S. 209–234.

Horn W., Kahle I., Friese G., Gaedike R. Collectiones entomologicae. Ein Kompendium über den Verbleib entomologischer Sammlungen der Welt bis 1960. Teil I. A bis K. Berlin, 1990. Akad. Landwirtschaftswiss. DDR, Berlin. Teil 1. 220 S.

Вклад в познание фауны чешуекрылых Приамурья Луи Грезера из Гамбурга

По поручению г-на Х. Вильгельма Дикманна-младшего из Гамбурга с 1881 по 1885 г. я изучал Приамурье и восточно-сибирскую Приморскую область. Моя задача состояла в сборе бабочек и других объектов природы, а здесь я представляю отчет о результатах этой поездки. У меня не было намерения представить полный список всех обитающих в этих землях высших чешуекрылых, что невозможно при все еще недостаточных научных знаниях о них и в связи с обширностью этих провинций. Я привожу только те виды, которых частью наблюдал сам, а частью собрал для меня в Благовещенске г-н Циммерманн. Этот населенный пункт я не смог посетить летом. Кроме того, моя работа содержит описание новых видов бабочек, открытых нами. Учитывая то благоприятное обстоятельство, что я мог задерживаться на долгое время в различных местах, у меня была возможность заняться поисками гусениц, а также их выводением. Поэтому я описываю не только известных, но и неизвестных ранее гусениц, а также привожу свои заметки и наблюдения за образом жизни многих видов на ранних стадиях. Что касается той части моей работы, где я называю других животных и растения из разных мест Приамурья, то им даётся лишь краткий обзор в ходе описания моего путешествия.

Позвольте мне поблагодарить: г-на Дикманна, который предоставил мне возможность совершить это, щедрым образом снаряженное путешествие; г-на Фердинанда Циммерманна, директора Восточно-Сибирской телеграфной конторы в Благовещенске, который ныне проявил такой живой интерес к нашей науке; г-на Х. Христофа, хранителя коллекций его Императорского Высочества Великого князя Николая Михайловича и г-на К. Фиксена из Санкт-Петербурга, которые любезно способствовали мне в определении сборов; а также г-д старшего лейтенанта фон Мельвиля [v. Mellville], коменданта г. Николаевск; Пауля Нёбеля [Paul Noebel], оттуда же; Эдуарда Фойгта [Ed. Voigt]¹¹ из Хабаровки¹², [Г. Д.] Скобельщина¹³ из Покровки, Г. Керера [G. Kehrger] и Ф. Кент-

¹¹ Видимо, эти двое – поверенные в делах фирмы В. Дикманна – Е.В.

¹² Имеется ввиду г. Хабаровск – Ред.

¹³ Сотник Амурского казачьего войска, сподвижник Н.Н. Муравьева-Амурского.

манна [F. Kentmann] из Благовещенска. Всем, кто содействовал моим устремлениям, высказываю здесь мою сердечную благодарность.

29 марта 1881 г.¹⁴ на борту парохода «Европа» я отправился из Гамбурга. 6 апреля мы пересекли Гибралтарский пролив и 14-го пришли в Порт-Саид, где 1-й день я провел на берегу. Об энтомологических находках едва ли можно было думать, так как перед нами предстало очень бедное растительностью побережье, и только в европейской части города был маленький общественный сад с небольшим количеством жалких деревьев и несколькими цветущими растениями на маленьком газоне. Сборы (несколько *Lycaena Boetica* L. и *Danais Chrysippus* L.) здесь проводил г-н Дикманн, который приехал в Порт-Саид 3 неделями позже. 16 апреля мы вошли в Суэцкий канал и пришли Суэц к вечеру следующего дня. Не смотря на то что канал тянется через желтую пустыню, раскинувшуюся до самого горизонта, и лишь изредка разнообразие вносят небольшие сады с одинокими финиковыми пальмами и другими субтропическими растениями, повсюду во время путешествия по каналу летали бабочки-совки *Caradrina Exigua* Hb. и *Plusia Circumflexa* L., даже на борту парохода. В ночь на 23 апреля мы пересекли Баб-эль-Мандебский пролив и вечером 26 апреля в поле нашего зрения появился о-в Сокотра. Утром 27 апреля, [в открытом море], через корабль пролетела огромная тропическая желтушка *Catopsilia*, а 30 апреля – также вездесущая *Vanessa Cardui* L. 3 мая показался о-в Цейлон, а 8 мая – северное побережье о-ва Суматра. Здесь, прямо на корабле, я поймал несколько больших [совок] Ophiuroiden и некоторое количество крупных серебристых [огневок] Pyraliden.

10 мая мы достигли Сингапура, где задержались до 14-го, и у меня была возможность побродить во всех направлениях по окрестностям города. Энтомологические сборы были не очень значительными, так как в это время бабочки в основном уже сильно облётаны, единственной, представленной свежими экземплярами, была [желтушка] *Eurema Hecabe* L. Окрестности Сингапура довольно бедны насекомыми, хотя, возможно, это было неблагоприятное время года. Утром 13 мая сюда прибыл на французском почтовом пароходе г-н Дикманн. В его обществе я приятно провел время на берегу, а ближе к вечеру мы побывали в ботаническом саду, где наблюдали в огромном количестве больших бабочек, кружившихся над источающими сильный аромат цветками деревьев. Когда мы поймали один экземпляр и разглядели его при свете, то это оказалась очень крупная толстоголовка Hesperidae. 14 мая мы продолжили наше путешествие, а 21 мая достигли Гонконга и оставались там до 26 мая. Я продуктивно использовал это время, собрав тамошних бабочек, среди которых были *Papilio Xuthus* L., *Danais Chrysippus* L., [белянки] *Eurema Hecabe* L. и *Pieris Canidia* Sparm. Особенно удачными местами лова оказались городские сады, расположенные в верхней части города, и европейское кладбище, где просто кишели прекрасные бабочки-парусники *Papilio*. Г-н Дикманн поднялся к нам на борт в Гонконге, чтобы продолжить свое путешествие вместе с нами.

¹⁴ Даты даны по старому стилю

Он провел много дней в Кантоне, откуда привез большой ящик со 150 гусеницами павлиноглазки – *Saturnia pyretorum* (?). Попытка их разведения оказалась неудачной, так как большинство из них погибло во время морского путешествия и позже, во Владивостоке, от недостатка корма. Гусеницы питались исключительно листьями айланта, дерева которого растут лишь вблизи Кантона и которые ни разу не встретились мне в Гонконге. И все же было несколько удачных экземпляров, гусеницы которых превратились в куколок, и таким образом перезимовали, а весной 1882 г. из них появились бабочки.

26 мая мы продолжили наше путешествие и 3 июня достигли о-ва Аскольд, но из-за сильного тумана лишь 4 июня дошли до Владивостока, первой стоянки в Восточной Сибири. Мы оставались здесь до 10 июня и собрали замечательные материалы, но так как я еще раз был в этих местах, то смогу позднее дать описание и характеристику растительного мира. 10 июня покинули Владивосток и вплоть до 13 июня наблюдали горный пейзаж, густо заросшее лесом побережье. Утром 14 июня достигли бухты Де-Кастри, где растительность носила уже северный характер с преобладанием хвойных деревьев. Мы приблизились к самому узкому месту Татарского пролива, которое является еще и наиболее мелким на всем протяжении до устья Амура и куда ограничен доступ большим морским судам. Дважды садились на мель, с наступлением темноты бросали якорь до утра. 15 июня без каких-либо неудач мы пересекли Амурский лиман, однако позднее вплотную к маленькому о-ву Уюсут и мысу Пронге так крепко сели на мель, что дальнейшие попытки снять с нее корабль не увенчались успехом. Г-н Дикманн и я оставались здесь до 21 июня. В этот день большая часть груза была взята на борт амурских пароходов «Шилка» и «Молли» [Molly] и доставлена в г. Николаевск. 20 июня мы бродили по о-ву Уюсут, сплошь заросшему березами, и обнаружили несколько разрушенных земляных валов и срубов времен Крымской войны. Бабочек и других насекомых нигде не было видно, зато в старом куске дерева я обнаружил мелких земляных улиток, среди которых было несколько экземпляров нового вида – *Succinea insularis* Mousson.

Так как попытки снять судно с мели вновь оказались безуспешными, 21 июня г-н Дикманн и я на пароходе «Молли» отправились в Николаевск, куда прибыли поздно вечером. Я оставался здесь до 29 октября и в приятном обществе г-на Дикманна знакомился с окрестностями. Раньше на месте, где расположен сейчас Николаевск, рос густой хвойный лес. Он и сейчас начинается уже на окраинах города, но огромные лесные массивы уже частично вырублены. На окраине в основном густые заросли берез и ольхи. На клейких листиках ольхи был обнаружен особый вид мерзких, дурно пахнущих клопов. Очень часто встречаются бузина, рябина, осина и некоторые разновидности ив, местами – черемуха, а на скалистых склонах, как и на Среднем и Верхнем Амуре, – даурский рододендрон с его красивыми фиолетовыми цветками. Многих видов деревьев и кустарников, произрастающих на Среднем Амуре и Уссури и не являющихся редкостью на Верхнем Амуре и Шилке, под Николаевском я не обнаружил. Например, таких как черная береза, липа, вяз, дуб, ясень, клен,

лесной орех и многие другие. Особенно благоприятными для ловли оказались территории, прилегающие к Амуру, земли которых частично заболочены, частично глубоко прорезаны оврагами и распадками с чистыми ручьями. В этих местах встречается необыкновенно пышная травянистая растительность. Прекрасная гигантская хохлатка достигает здесь высоты 3–4 футов¹⁵ и украшает своими цветущими красным соцветиями широкое пространство по берегам ручьев. На ней живут гусеницы *Parnassius Eversmanni* Mén. и *Parn. Stubben-dorffi* Mén.; гусеницы *Agrotis Fennica* Tausch. предпочитают это растение всем другим.

В одном из распадков на реке Камера, небольшом притоке Амура, произрастает растение похожее на мать-и-мачеху [белокопытник], имеющее листья полуротифутового диаметра. Оно придает окружающей местности почти тропический колорит. Повсюду, даже в городе на обочинах улиц, в большом количестве можно увидеть ирисы разных видов с большими голубыми цветками. По-своему оригинальны широкие заболоченные равнины, покрытые ковром мха-сфагнума. Они сильно напоминают торфяные болота низменностей Северной Германии. Наряду с даурской лиственницей, имеющей прекрасные ровные стволы, здесь можно встретить карликовый лес из кедрового стланика, а также толстоствольный, в 3/4 фута, кедровый стланик, стелющийся по земле. Здесь же карликовые березы и многие виды брусничных. Фауна чешуекрылых в этих заболоченных местах носит северный характер. Только здесь летают *Colias Palaeno* L., *Lycaena Optilete* Knoch., *Argynnis Apherape* Hbn. var. *Ossianus* Hbst., *Arg. Pales* Schiff., *Arg. Freija* Thnb., *Arg. Frigga* Thnb.; *Erebia Sedakovii* Ev., *E. Ajanensis* Mén., *E. Cyclopius* Ev., *E. Embla* Thnb., *Oeneis Jutta* Hbn., на кустарниковых спиреях живет гусеница *Sphinx Ligustri* var. *Spiraeae* Esp. Некоторые влажные места покрыты густыми зарослями болотного багульника. Это растение заполонило и широкие лесные пространства, которые кажутся как будто покрытыми снегом, когда наступает пора его цветения. В удалении от города, в верхнем течении Камеры, и примерно в 12 верстах¹⁶ ниже Николаевска (возле [крепости] Чныррах) есть места, где растет чудесный хвойный лес, с господством лиственницы даурской. Но есть и леса, где в большом количестве представлены также пихта белокорая и ель аянская, а на окраине – кустарниковый тис остроконечный¹⁷. В вышеприведенном описании я только в общих чертах постарался охарактеризовать местную растительность. Так как я не специалист в этой области, то составил лишь приблизительный список произрастающих здесь видов растений, насколько мне позволили мои познания в ботанике. Я старался называть те растения, которые, на мой взгляд, в наибольшей степени помогают отразить характер растительности, и поэтому дальнейшие описания мест, мной посещенных, прошу воспринимать в этом смысле.

¹⁵ 1 фут примерно равен 0,3 м.

¹⁶ 1 верста равна 1,07 км.

¹⁷ Грезер, видимо, ошибается: скорее всего, это сибирский можжевельник – Е.В.

В результате первых экскурсий под Николаевском бабочек было поймано мало, даже несмотря на то, что был уже конец июня. В это время летали только первые бабочки, например, перезимовавшие *Vanessa Urticae* L. и *V. Callirhoe* F., весенние: *Anthocharis Cardamines* L., *Thecla Rubi* L. и *Th. Frivaldszkyi* Ld., перламутровки: *Argynnis Euphrosyne* L., *A. Oscarus* Ev., *A. Freija* Mén., редкие: *Parnassius Stubbendorffii* Mén., *Argynnis Selenis* Ev, *Pararge Deidamia* Ev. и *Syrichthus Maculatus* Brem.

К моменту моего приезда на деревьях только начинали раскрываться листья; бурное развитие вегетации вызвало быстрый рост численности и числа видов насекомых, показав богатство мира насекомых. Ближе к осени количество бабочек вновь снизилось, и уже к середине августа ничего дельного было найти, кроме *Thecla Fasciata* Janson, *Argynnis Angarensis* Ersch. и *Erebia Sedakovii* Ev. Ночной отлов возле лампы был малоэффективен, единственно ценным было то, что совершенно случайно г-н Дикманн обнаружил новый вид гусениц, появившихся ночью – коконопряда *Lasiocampa Dieckmanni*. Осень ушла на сбор гусениц бражников: *Smerinthus Caecus* Mén., *S. Tremulae* Tr. и других. Очень много дорогого времени было потеряно из-за затяжных дождей, шедших по 8 дней кряду в и без того короткий летний период, а сильный шторм часто делал лов бабочек невозможным. К середине сентября насекомые исчезли, а уже 17-го числа этого месяца начались первые ночные заморозки, и утром все вокруг было покрыто инеем. 27 сентября г-н Дикманн отправился обратно в Европу. Последние недели моего пребывания здесь я посвятил охоте на птиц и их препарированию. Зима быстро приближалась, и уже 5 октября большую часть дня шел сильный снегопад, но на следующий день снег почти весь растаял. 7 октября тихие спокойные места в ручьях были затянуты толстой ледяной коркой, а 18 октября снег лежал на земле высотой полтора фута.

Еще осенью я хотел переехать в Хабаровку, но мой отъезд, к сожалению, затянулся до 30 октября. Хотелось бы отметить, что Николаевск расположен в сорока верстах от устья Амура, расстояние от Николаевска до Пермского-Мюльки – 585 верст, оттуда до Хабаровки – 373, дальше до Благовещенска – 845 и потом до Усть-Стрелки – 843 версты. Весь Амур имеет длину 2686 верст, или 384 немецкие мили.

30 октября на пароходе «Молли» я покинул Николаевск. Вся земля вокруг уже была покрыта глубоким снегом, и температура в 7 ч утра достигала 15° R¹⁸, в течение дня стало чуть теплее, 2 ноября установился сильный ледоход, и у нас оставалось все меньше надежды добраться до Хабаровки до полного замерзания реки. Вечером 3 ноября мы достигли деревни Нижний Тамбовск, возле которой было столько льда, что мы вынуждены были бросить якорь на некотором удалении от берега. На другое утро вокруг корабля образовался широкий пояс сбившегося льда, а ледоход на Амуре стал настолько сильным, что дальнейшее продвижение было невозможным.

¹⁸ Температурная шкала Реомюра, 1° R = 1,25° C.

Я совершил небольшую прогулку, так как места здесь были свободны от снега. Собственно говоря, насекомых уже нигде не было видно, лишь в небольшом, почти без воды, притоке Амура я обнаружил в большом количестве чудесных речных улиток-живородок: уссурийскую и Миддендорфа. В прошлом году сильный смерч поломал ветки всех без исключения деревьев, росших вдоль широкой тропы, протянувшейся через лес. Стволы деревьев достигали в диаметре 2 фута, а в высоту – 8–10 футов над землей. После обеда 5 ноября ледоход на реке почти прекратился, лед возле парохода отступил, и мы решились идти дальше. Вечером мы достигли деревни Горина, но опять не могли подойти к берегу из-за льда. Якорь бросили на песчаной косе посреди реки. Всю ночь до самого утра было невозможно уснуть, так как движущиеся льдины с грохотом разбивались о борт судна. Утром 6 ноября мы с огромным трудом пробивались сквозь окружавшие нас массы льда, к обеду его стало немного меньше, путь расчистился. Но после полудня лед снова сковал нас, навстречу попадались льдины в 3 дюйма толщиной. С разбитым лопастным колесом и с насосами, закупоренными ледяным крошевом, мы, наконец, достигли деревни Пермское-Мюльки, чему были несказанно рады. С большим трудом наш пароход вошел в устье маленькой реки Мюльки, и нам открылись печальные перспективы остаться жить до весны в маленькой деревушке, состоящей из нескольких рубленых домов. Но было бы чрезвычайно неблагоприятно оставлять вещи здесь или доверить судьбу моих коллекций, особенно собранных в Николаевске, примитивной крестьянской повозке и отправиться на ней в Хабаровку, что составит почти 400 верст санного пути.

Летом эта местность очень хорошо подходит коллекционеру в качестве опорного пункта. Уже на окраине деревни начинается густой лес, представленный огромным видовым разнообразием деревьев и кустарников, чего не скажешь о Николаевске. Здесь также преобладают хвойные: лиственница даурская, пихта, прекрасный [корейский] кедр со съедобными семенами, которые гораздо тяжелее и больше лесных орехов, однако можно обнаружить и дубовые рощи, липу, ясень, вяз и березу. Обширные пространства заняты исключительно осиновым лесом, очень высоким и прямоствольным. Самый высокий кустарник вдоль Амура – маакия амурская. По берегу Мюльки в сообществе с лесным орехом он образует непроходимые заросли. Противоположный берег представляет собой довольно высокие и скалистые обрывы, лишённые деревьев и частично покрытые низким кустарником. Там вполне можно поймать летом парусников *Parnassius* и других интересных бабочек.

В течение долгой зимы я занимался препарированием, размещением и упаковкой материала, собранного летом. При благоприятной погоде, когда беспрестанно дующие резкие ветра немного стихали и холод становился не таким свирепым, я совершал вылазки на охоту. В этих местах очень много зайцевинок, глухарей, рябчиков, тетеревов, большое видовое разнообразие дятлов и синиц, среди которых прекрасная лазоревка. Высокий снег сильно осложнял продвижение по лесу, а во время сильных ветров, которые поднимали целые снежные облака, вообще было невозможно находиться на открытом воздухе. В такие дни снежная пыль через мельчайшие щели и трещины в окне проникала в комнату, и тогда температура внутри, не смотря на печное отопление, дости-

гала +4–6° R. На внешней стене дома был прикреплен спиртовой термометр, в некоторые дни декабря и января температура опускалась до –37° R. Почти всю зиму стояли ясные, солнечные дни, на голубом небе не было ни облачка. В конце марта 1882 г. в полуденные часы снег на крышах начал понемногу таять. К середине апреля на открытых солнцу склонах вдоль берега образовались места, свободные от снега, и у меня вновь появилась возможность под камнями, валежником и сухой листвой начать поиски гусениц, жуков, куколок и улиток. Медленное течение притока Амура, частично освободившегося ото льда, приносило к берегу интересных для изучения водяных улиток, среди них *Paludina Ussuriensis* Gerstfld., *P. Praenosa* Gerstfld., *P. Chloantha* Bourgut., *Melania Amurensis* Gerstfld. и *Anodonta Plicata* Sol.

После полуночи 24 апреля лед на Амуре начал двигаться, ледоход продолжался до 28-го числа. В этот день я увидел первую весеннюю [голубянку] *Lycaena Argiades* Pall., а с последних дней апреля уже наблюдал множество перезимовавших бабочек-ванесс. Наконец-то наши испытания подошли к концу, 30 апреля мы покинули Пермское-Мюльки. Двигаясь в южном направлении, мы с удивлением наблюдали, как быстро развивалась весна, как стремительно она шла вперед. После полудня 2 мая достигли деревни Вятское. На несколько часов бросили якорь, чтобы собрать дрова, и я воспользовался этим для осмотра местности. Лес состоял только из лиственных пород, скалистые склоны на берегу густо заросли цветущим рододендром даурским. У черемухи листья распустились лишь наполовину, крапива достигала в высоту только 1–2 фута. Для топки машины были доставлены дрова из пробкового дерева – амурского бархата.

3 мая под проливным дождем мы прибыли в Хабаровку. 5 мая дождь почти прекратился, началась разгрузка судна, и я смог отправить свои вещи в город. Впечатление, которое при поверхностном осмотре произвела на меня местность, было не очень ободряющим. Она расположена на возвышенности, поднятой на 200 футов над Амуром. Ее прорезают впадающие в Амур и Уссури небольшие долины. Сразу за городом в начинающемся лесу, который издали кажется очень светлым, в основном преобладают прекрасные лиственные породы: клены желтый, зеленокорый, мелколистный, дуб монгольский, осина, берёзы белая и даурская, амурский бархат, липы амурская и маньчжурская, единичные лиственница даурская и кедр корейский. В долинах и глубоких сырых местах, частично на берегу реки можно встретить тополь душистый, клен приречный, орех маньчжурский, чьи молодые ровные стволы с пышными лиственными кронами придают деревьям пальмообразный облик, а также ильм долинный, ясень маньчжурский, сирень амурская, крушина даурская, маакия амурская, черемуха азиатская и другие. Кустарниковая растительность здесь очень пышная. Среди многих мне не известных кустарников я обнаружил многочисленные виды спиреи, бузину, барбарис амурский, лимонник китайский, дёрен канадский, свидину белую и многочисленные яблони, боярышники, жимолости и ивы. Лианы амурского винограда часто затрудняют проникновение в лес. В подлеске разнолистная и маньчжурская лещины на больших площадях растут такой густой массой, что прорваться внутрь этих зарослей бывает практически невозможно. В долинах и низменностях – не-

обыкновенно буйная и разнообразная травянистая растительность, достаточно сказать, например, что зонтичные достигают в высоту 6–7 футов, а стебли у них – в руку толщиной. Быстрому продвижению иногда препятствуют многочисленные виды маревых, полыней и чертополохов. В настоящем высокоствольном лесу можно увидеть целые заросли коровьей травы, [хвоща зимующего?], ее длинные стебли поднимаются на высоту 3–4 фута. Эти травы плотно покрывают дно оврагов исключительно в густых лесных массивах. В результате постоянно повторяющихся лесных пожаров огромные площади леса и подлеска оказались «раздетыми» и на многих деревьях кора обгорела почти до самого верха. В таких местах на нижних ветках деревьев можно обнаружить огромное количество обугленных мертвых гусениц. И все же лиственные леса огонь опустошает не так основательно, как хвойные, что мне приходилось с огромным сожалением наблюдать в течение пяти лет моего пребывания в Восточной Сибири, под Николаевском, Пермским-Мюльки, под Покровкой и в других местах.

В первые дни моего пребывания в Хабаровке погода стояла довольно прохладная, растительности было еще мало, из бабочек летали только единичные горные толстоголовки *Nisoniades Montanus* Brem. 1 мая я увидел первого *Papilio Xuthulus* Brem. С наступлением более теплой погоды чешуекрылые стали развиваться очень быстро и появились *Papilio Machaon* L., *Xuthulus* Brem. и *Raddei* Brem. Все 3 вида в огромном количестве можно было наблюдать на одном из амурских островов, расположенном в 2 верстах ниже города, довольно протяженным и заросшем высокой, уже цветущей, ивой. В сырых местах довольно часто встречались также *Leucophasia Sinapis* L., *Thecla Rubi* L., *Lycæna Argiades* Pall. и *L. Argiolus* L., более редкими были *Thecla Frivaldszkyi* Led. и *Th. Arata* Brem. К середине мая начали распускаться дубы, и уже к концу месяца этот процесс завершился. Околачивание нижних веток деревьев, кустарников дало такое множество гусениц разных видов, что я еле успевал приобретать садки для их размещения, но, к сожалению, оказалось, что 2/3 старших из них были поражены вредителями. В благоприятные дни ночная ловля имела большой успех. В июле теплыми темными ночами с их кратковременными дождями иногда было просто невозможно справиться с летящим на свет ламп материалом. Напротив, ловля на приманку вообще дала неудовлетворительные результаты. С середины июня жара стала практически непереносимой, в июле столбик термометра поднялся до отметки +30° R. Из-за ужасных мучений, которые мне доставляли тучи комаров и мошкеры, не хочу дальше ни о чем говорить, отмечу лишь, что паразиты, которые меня облепляли, образовывали настоящие облака и их нескончаемое пение, жужжание и сосание, а также тропическая жара почти превратили меня в нервнобольного. Во второй половине июля, когда жара достигла своей наивысшей точки, количество видов дневных бабочек заметно уменьшилось; напротив, ночная ловля стала наиболее результативной. Добычей в основном становились ночные мотыльки. Очень редкими, единичными стали теперь ночные бабочки: *Synthomis Thelebus* F., *Naclia Octomaculata* Brem., *Calligenia Venata* Butl., *Lithosia Gigantea* Oberthür, *Nemeophila Metelkana* Ld., *Lasiocampa Fasciatella* Mén., *Brahmaea Lunulata* Brem., а многочисленными были: *Dasychira Confusa* Brem.,

Hadena Jankowskii Oberthür, *Telesilla Virgo* Tr., а также прекрасная *Plusia Excelsa* Kretsch. и довольно обычная *Pl. Chryson* Esp. В высокоствольном лесу находил, сидящими на стволах, многочисленных совок-орденских лент, особенно часто из них встречались *C. Lara* Brem. и *C. Dissimilis* Brem., намного реже – *C. Nupta* L., *C. Dula* Brem., *C. Electa* Bkh., *C. Ester* Butl. и *C. Paranympa* L.

С начала августа ловля бабочек стала такой малоэффективной, что я главным образом занимался поиском и околачиванием гусениц. Мои надежды обнаружить именно здесь в большом количестве бражников и других ценных гусениц оправдались не полностью, несмотря на все приложенные мной усилия. А те немногочисленные гусеницы, которых я обнаружил, были по большей части поражены паразитами. По всей видимости, главной виной тому являлось удивительно жаркое и исключительно сухое для этих мест лето.

25 сентября я отплыл из Хабаровки на амурском пароходе «Шилка» и 27-го числа проехал расположенные в Буреинских (Хинганских) горах населенные пункты: Екатерино-Никольск, Поликарпова, Помпеевку, Раддевку, Пашково – все эти места очень благоприятны для коллекционера. К сожалению, я только проплыл мимо них, так как зиму должен был провести в Благовещенске. Может быть, позднее у меня появится возможность обстоятельно исследовать одну из этих местностей. Утром 28 сентября стоящие на палубе резервуары с водой покрылись тонкой ледяной коркой. В некоторые дни наша поездка прерывалась на долгие часы густым туманом. 2 октября мы достигли Благовещенска. В тот же день у меня состоялось приятное знакомство с директором телеграфа г-ном Циммерманном. Он отнесся ко мне самым любезным образом, и во время долгой зимы я часто имел удовольствие проводить время в его гостеприимном доме. Г-н Циммерманн собрал под Благовещенском некоторое количество бабочек и щедро предоставил их в моё распоряжение. В течение 1883 и 1884 гг. он еще собрал для меня большое количество интересных видов, чем предоставил мне возможность обогатить мои знания по фауне бабочек Благовещенска и Усури. Кое-что собрал для меня и г-н Керер. Со своей стороны я хотел бы еще раз выразить огромную благодарность обоим господам. Благовещенск расположен на широкой сухой равнине, где произрастают низкорослые дубы, березы, лесной орех и другие кустарниковые формы. Цепь холмов на границе равнины, также покрытая скудной растительностью, широкой дугой тянется от Зеи до Амура. Местность производит впечатление абсолютной глуши. За пределами города на русской стороне Амура, куда ни кинь взгляд, не увидишь ни одного дерева. В городских садах я видел в большом количестве душистые тополя, внешне напоминающие орех маньчжурский. На берегу Амура есть целая аллея этих красивых деревьев с гладкими серозелеными стволами. На противоположном китайском берегу вблизи маньчжурских деревушек можно увидеть небольшие рощи из старых лип и других лиственных деревьев. Прибыв на место, я не увидел ни одного зеленого листочка. Вся листва на кустарниках в результате сильной летней засухи совершенно высохла и приобрела зелено-коричневый цвет. Кроме того, весной обширные кустарниковые пространства под Благовещенском опустошил

огонь. Несколько раз огонь подступал к домам города и для его укрощения даже выезжала пожарная команда. В дальнейшие мои планы входило подняться к верховьям Амура или на Шилку и подыскать себе там опорный пункт на лето. Но, к сожалению, я не успел полностью препарировать, определить и упаковать собранный мной под Хабаровкой богатый материал, и поэтому был вынужден отложить свою поездку до начала 1883 г., когда я смог бы отправиться на первом идущем вверх по реке пароходе.

Затянувшийся в этом году ледоход чрезвычайно задержал передвижение по реке. В первой половине апреля снег начал таять, 9 мая прошел первый дождь, а 10 мая прилетели первые ласточки. 12 мая при сильном шторме и дожде начались первые слабые подвижки льда на Амуре. Наконец, 15 мая пошел сильный ледоход. Уровень воды в реке за 3 часа упал на 2 фута. Утром 16 мая вода упала так сильно, что несколько пароходов, стоявших в течение всей зимы вблизи берега, оказались наполовину на суше. 17 мая вода начала подниматься, сейчас же без всякого переходного периода вдруг наступила такая теплая погода, что к полудню термометр показывал +20° R. Экскурсия по местности дала 30 коконов *Miresa Flavescens* Walk., повсюду летали перезимовавшие *Vanessa L-album* Esp., начали расцветать прекрасная голубая примула и анемона с большими светло-фиолетовыми цветами. Теперь, вследствие установившейся почти жаркой погоды, весна зашагала семимильными шагами. В садах пустила ростки черемуха, к 22 мая его листья полностью распустились, а 25 мая она уже была в полном цвету. 21 мая я предпринял маленькую экскурсию на китайский берег, примерно 25 верст выше маньчжурской деревни Сахалин. И здесь кустарниковая растительность пострадала от огня, земля была покрыта густым слоем пепла, об энтомологических находках нечего было и думать, лишь на одном скалистом береговом склоне над цветами рододендрона даурского летали единичные *Papilio Machaon* L. и *Lycaena Argiolus* L.

25 мая я, наконец-то, смог отплыть на пароходе «Вера». Во время поездки я наблюдал оживленную картину – многочисленные плоты с русскими колонистами, которым предстояло заселить Нижний Амур и Уссури. Они везли с собой скот и предметы домашнего обихода. Частично на плотках перевозился строительный материал и дрова в безлесные районы под Благовещенском. Мимо нас часто проходили пароходы и среди них пароход «Хабаров», направлявшийся на Сахалин. Он тащил с собой две большие баржи с осужденными преступниками. Вскоре местность приняла другой характер. К берегам Амура подошли высокие горы и начали теснить его русло. В 100 верстах выше Благовещенска еще преобладает лиственный лес, а чем дальше на север, тем чаще можно увидеть леса, где доминируют хвойные породы. Рододендрон даурский находился в полном цветении, украшая собой береговые склоны. 28-го мая много часов подряд мы простояли у маленького поста Цаяган, состоявшего из нескольких убогих избушек. Вылазка, предпринятая на берег, дала самца *Oeneis Urda* Ev., самку *Oeneis Hulda* Stg. и одну *Syrichthus maculatus* Brem., причем неприятной неожиданностью было для меня то, что обе [бархатницы] *Oeneis* были уже сильно облётанными.

С 30 мая по 1 июня воздух был наполнен густым дымом, затруднявшим дыхание. Дым исходил от пожара, бушевавшего по обоим берегам. Утром 2 июня мы прошли мимо маленькой деревни Игнашина, а к полудню достигли места, где раньше стояла деревня Амазар, смытая во время наводнения 1879 г. Сейчас там остался лишь полуразрушенный сруб. В нескольких верстах выше было построено новое поселение. В 7 ч вечера мы прибыли в большое казачье село Покровка, где я сошел с парохода, чтобы остаться здесь на все лето. Покровка расположена примерно в пяти верстах ниже слияния Шилки и Аргуни, истоков Амура, в 2 верстах от самого широкого места на низменности длиной в 8 верст. На юге ее границей является Амур, а к северу от деревни начинаются крутые скалы, достигающие в своей наивысшей точке 800–1000 футов. Огромные каменные осыпи покрывают эти скалистые «стены» в их нижней части. Горную цепь прерывают глубокие ущелья и долины, по дну которых текут холодные ручьи. Эти земли частью заболочены, частью заняты густым лесом. На западе и востоке низменность ограничена горами, которые подступают прямо к берегам Амура и Шилки. В давние времена вся местность была покрыта густыми лесами. Об этом свидетельствуют торчащие повсюду из земли корневища старых деревьев. Сейчас низменность состоит лишь из полей зерновых культур и лугов, где мирно пасутся казачьи стада коров и табуны лошадей. Здесь также можно увидеть принадлежащих местному народу орочи северных оленей, обгладывающих скудную листву с низкорослых осин, ив и берез. Таков местный пейзаж на всем его протяжении, и в энтомологическом плане совершенно не на что обратить внимание.

Вероятно, в иные времена в более благоприятных условиях эти места в прямом смысле слова просто кишели бабочками. Не очень приятно было увидеть здесь в большом количестве ядовитых змей. По 6–8 особей лежали на открытых местах, где они грелись на солнце. На низменностях и в долинах лес состоит в основном из даурской лиственницы, в то же время в горах и на крутых склонах преобладает сосна обыкновенная. После того как я познакомился с прекрасными лиственными лесами южного Амура, этот лес произвел на меня впечатление монотонности и однообразия. Телеграфная линия тянулась прямо через лес и гребень горы, лес по обе стороны линии был повален. По свидетельству г-на В. фон Гедеманна, раньше здесь были благоприятные места для лова бабочек, особенно часто можно было увидеть *Parnassius Tenedius* Mén. Сейчас мы не обнаружили ни одной бабочки. Осенью подросший кустарник в этих местах был вырублен, а весной все сгорело в результате пожара. Повсюду земля была покрыта толстым слоем пепла и обугленными остатками деревьев. Нигде не стебелька. По обе стороны просеки огонь основательно опустошил хвойные леса. Несколько раз мы ходили вдоль телеграфной линии туда и назад, и везде представала передо мной одна и та же унылая картина. Из-за многочисленных осыпей, обломков горных пород у подножия гор, многие места лишены высшей растительности и покрыты только одним видом желто-зеленого лишайника. Здесь же можно увидеть скудные заросли яблони, белых и черных берез, вязов, осин, ив, а также многочисленные виды спиреи и смо-

родины. Есть тут также пространства, абсолютно лишённые кустарниковой растительности, но зато богатые низкорослой флорой. Желто-цветные прекрасные маки, водосборы, живокость, чабрец, а также многочисленные виды фиалок, очитков, астр, лилий, борцов и лютиков были весьма обычны. Здесь же в огромном количестве росли великолепные пионы с большими, как тарелки, белыми цветками. Интересно было заметить, что бабочки почему-то избегали эти цветки, а вот многие жуки как раз предпочитали их. Меня просто изумляла такая избирательность бабочек в цветах. Так, например, [желтушки] *Colias melinos* Ev., имеющие бледно-желтую окраску, садились все время на похожие на них светло-желтые цветки одуванчиков и, напротив, оранжевые [желтушки] *Colias aurora* Esp., предпочитали пурпурно-красные или ярко-желтые цветки двух видов лилий. В одной версте выше деревни, лежащей при устье Шилки, казачьей станицы Усть-Стрелка, расположено большое озеро. От берега его отделял довольно мелкий рукав реки, и достигнуть его было легко. Возле озера очень густо росли высокие ивы, вязы, душистые тополя, черемуха. Здесь мне попадались стволы толщиной полтора фута в диаметре. Подлесок состоял в основном из свидины белой и спиреи иволистной. Узкая полоса такого леса тянулась вдоль берега Шилки и представляла собой так же, как и само озеро, прекрасное место для сбора бабочек. Только здесь можно было увидеть [переливницу] *Apatura Nycteis* Mén., [пеструшку] *Neptis Thisbe* Mén. и [пяденицу] *Cidaria Blomeri* Curt. Обширные лагуны у подножия гор были покрыты пышной болотной растительностью. Здесь в невообразимом количестве произрастал водяной орех. Местные жители считали его ядовитым и никак не использовали. Зато в своих садах казаки в небольших количествах разводили дурман обыкновенный, считая его безвредным и используя раздавленные семена для улучшения вкусовых качеств вина. Ко 2 июня берег Амура еще был покрыт огромными глыбами льда и возле деревни не было вспахано ни единого акра пашни. Растительность только начала зеленеть, а вот черемуха и некоторые виды ив уже зацвели. Несмотря ни на что, повсюду можно было увидеть бабочек, таких как *Thecla Frivaldskyi* Led., *Th. Rubi* L., *Polyommatus Amphidamas* Esp. и *Argynnis Freija* Thnb., а также свежие экземпляры *Oeneis Urda* Ev., *Oeneis Hulda* Stgr., *Triphysa albovenosa* Erch., *Syrichthus maculatus* Brem. Очень редко встречалась прекрасная серебристо-пятнистая толстоголовка *Carterocephalus Argyro stigma* Ev., так что в это беспокойное время года я находился в напряжении, чтобы успеть собрать все желательные виды бабочек. В 1-ю половину июля много дней подряд воздух был так сильно наполнен дымом от пожаров, что едва можно было дышать. В некоторые дни солнце даже не могло пробиться через дымовую завесу и практически было темно. Странно было видеть в эти дни кружащихся повсюду бабочек, которые вели себя так же, как при ярком солнечном свете. Как выяснилось позже, дым принесло с пожаров, которые полыхали в лесах и тундре Якутского генерал-губернаторства. Когда же в июне наступили первые дождливые дни, то в результате штормовой погоды или из-за холодного влажного тумана сборы часто были невозможны. Много времени для сборов было потеряно также с 13 по 21 июля,

когда стало уже довольно тепло, но почти всегда пасмурно, и регулярно, каждый день между 3 и 5 часами после полудня, была гроза. В 1-й половине августа дождь лил беспрестанно. В связи с этим Амур поднялся до такого опасного уровня, что воде оставалось всего 3 фута, чтобы достигнуть места, на котором была расположена деревня. С 7 по 12 августа опасность приблизилась настолько, что деревня, как в 1879 г., могла быть полностью затоплена, а мне и местным жителям пришлось бы бежать в горы, оставив большую часть моих вещей в деревне. К счастью, с 13 августа вода начала падать и опасность прошла, хотя почти все поля и луга были затоплены, и еще несколько недель находились под водой. Большая часть урожая погибла, массы сена, собранного в скирды, а также все дрова, уложенные в штабеля на берегу и ожидавшие проходящих пароходов, – все смыло водой. В бесчисленном количестве плыли по Амуру отдельные деревья и даже целые островки, поросшие ими. Сборы в это время были малоэффективны, если не считать нескольких экземпляров гусениц [перламутровки] *Argynnis Amphilocheus* Mén. и [совки] *Plusiodonta Compressipalpis* Gn., а также прилетевшую на свет лампы в конце августа [совку] *Plusia Ornata* Brem. В конечном счете, ночной лов не дал таких успешных результатов, как у Хабаровки, лучшими были [совки] *Agrotis Trifurca* Ev., *Hadena Icteria* Ev. и *Caradrina Montana* Brem.

8 сентября, во время сильного ливня, на пароходе «Николай» я отправился в обратное путешествие и 12 сентября, опять же под проливным дождем, прибыл в Благовещенск. Это была по-настоящему печальная поездка, во время которой солнце ни разу не порадовало нас своими лучами. За время моего отсутствия г-н Циммерманн прилежно вел для меня сборы и предоставил в мое распоряжение целый ряд интересных видов. Среди бабочек, приобретенных мной у г-на Керера, некоторые были очень ценными, например [павлиноглазка] *Saturnia Boisduvalii* Ev. и свежая [совка] *Lagoptera Elegans* Walk. Когда я приехал в Благовещенск, там еще стояли теплые дни, но осень уже вступила в свои права. В городских садах, на аллеях вдоль Амура на стволах душистых тополей можно было увидеть свернувшихся в комок больших гусениц *Pyrosis eximia* Oberth. Я собрал около 800 экз. этих гусениц. Но тут меня ожидала неудача, лишь из немногих вывелись бабочки. Гусениц *Neaera Hilarata* Stgr. можно было обнаружить на самых разнообразных породах лиственных деревьев, повсюду за городом мне встречались коконы *Miresa Flavescens* Butl., а также на поляни были обычными гусеницы [совок] *Cucullia Artemisiae* Hufn. и *Argentea* Hufn., *Cucullia Fraudatrix* Ev. Крупного [коконопряда] *Bombix Rubi* L. я видел во множестве.

29 сентября на пароходе «Шилка» я отплыл из Благовещенска и 5 октября прибыл в Хабаровку. Несмотря на то что здесь было еще тепло, вся листва на деревьях уже опала. Мне пришлось ограничиться лишь работой с решетом для жуков. Я продолжал её до 23 октября, так как в этот день ударил мороз и начался снегопад. Я собрал около тысячи экземпляров, большинство из жуков были совсем крошечные, среди них я обнаружил целый ряд новых видов. Зиму я вновь провел за препарированием и упаковкой материала, добытого летом.

Весна 1884 г. мало благоприятствовала сборам. Начиная с 8 апреля, когда началось таяние снега, и до 7 мая я занимался охотой на мелких млекопитающих и птиц и их препарированием. Потом начались сборы гусениц и жуков под корой и в сухой листве, но из-за большой влажности это было особенно затруднительным и малорезультативным делом по сравнению с началом 1882 г. Если тогда в это время года бабочек было очень много, то сейчас их нигде не было видно и только 21 мая я поймал первую [горную толстоголовку] *Nisoniades montanus* Brem. Согласно моему дневнику, 18 мая 1882 г. кусты черемухи стояли в полном цвету, сейчас же они были абсолютно голыми, как в середине зимы. При этом очень часто шел дождь, а с 15 по 20 мая прошел сильный снегопад. Большую часть мая было очень холодно, например, 19 мая термометр показывал только +3° R, 20 мая – +5° R, а вот около полудня 21 мая внезапно – +18° R. 4 июня я поймал лишь 1 экз. [хвостonosца] *Papilio Xuthulus* Brem., а в это время в 1882 г. я собирал уже маленьких гусениц этого вида. [Хвостonosца] *Papilio Raddei* Brem. я не увидел сейчас ни одного. Околачивание гусениц я смог начать в этом году 3 неделями позднее, и сборы были малоэффективными. Ко всему этому добавилось еще и то обстоятельство, что местность под Хабаровкой изменилась до неузнаваемости очень неблагоприятным для меня образом. Огромные лесные пространства большей частью исчезли, они были опустошены настолько, что стали бесполезными для реализации моих целей. В благоприятных же для сборов местах, часто посещаемых и любимых местными жителями, в начале года прошли сильнейшие лесные пожары. В очень удачных для сборов долинах, расположенных в двух верстах ниже города, хозяйничали китайцы, которые полностью разорили все близлежащие леса. За время моего отсутствия население города почти утроилось. Все эти обстоятельства побудили меня уже 24 июня уехать из Хабаровки в Николаевск, где я мог бы еще раз попытаться поохотиться на редкого [парусника] *Parnassius Eversmanni*, который среди массы видов, собранных мною за 2 года, присутствовал лишь в нескольких экземплярах. 27 июня я прибыл в Николаевск, где поспешил вновь посетить старые охотничьи угодья. К сожалению, и здесь передо мною открывались не очень бодрые перспективы. По прибытии моем в места обитания *Parn. Eversmanni* я увидел леса, объятые пламенем. Другие лесные массивы полностью выгорели в предыдущем году, и потому едва ли можно было думать о больших сборах, поэтому я смог собрать лишь ограниченное количество *Parn. Eversmanni*. На цепи холмов, тянующихся вдоль берега Амура в направлении Чнырраха, высокоствольный хвойный лес был объят пламенем. Он горел потому, что лето было очень жарким и сухим почти до середины сентября. Огонь распространялся сильным ветром на большие расстояния, вплоть до дороги на Чныррах, где в семи верстах от Николаевска был расположен и поэтому находился под угрозой пороховой склад. На укрощение огня были вызваны военные.

В связи с происходящими событиями не было возможности осуществить мои цели по сравнению с 1881 г. До 15 октября я оставался в Николаевске, и мое терпеливое ожидание было наконец-то вознаграждено. Помимо всего

прочего, мне удалось обнаружить неизвестных ранее гусениц *Parnassius Stubbendorffii* Mén. и *Agrotis Fennica* Tausch., которых я тщетно пытался найти раньше. Летом 1881 г. г-ном Дикманном было обнаружено лишь несколько экземпляров нового вида *Lasiocampa Dieckmanni*, сейчас же я нашел этих гусениц в большом количестве. Я нашел во множестве прекрасного очень редкого в 1881 г. *Thecla Fasciata* Jans. и добыл массу найденной г-ном Мааком в далеком 1858 г., но с тех пор повторно не ловленной [чернушки] *Erebia Ajanensis* Mén. Я надеялся в сентябре на кустах малины найти живых гусениц нового вида, внешне похожих на *Gonophora Dieckmanni*, причем в большом количестве, но к сожалению, вследствие продолжительной засухи в этом году, на малине почти не было листьев и мои надежды не оправдались.

15 октября на борту русского морского транспорта «Байкал» я отплыл из Николаевска. Практически всю поездку стояла штормовая погода, и мы достигли Владивостока только 3 ноября. При нормальных погодных условиях нам потребовалось бы от 10 до 12 дней плыть на таком судне, как «Байкал», но сейчас на это путешествие ушло полных 20 дней. «Байкал» был последним в этом году судном, отправлявшимся из Николаевска и имевшим задание в связи с наступающей зимой обеспечить провиантом, особенно мукой и соленой рыбой, расположенные на побережье небольшие военные посты и исправительные колонии на о-ве Сахалин. В пункте Дуэ мы должны были взять на борт 140 заключенных. Сопровождаемые военным пароходом «Тунгус», мы счастливо преодолели Амурский лиман и 16 октября достигли бухты Де-Кастри, где встали на якорь до вечера следующего дня. Из-за очень сильного шторма возникла реальная опасность разбиться о скалы. Вплоть до следующего дня мы крейсировали между материком и о-вом Сахалин. Возле Дуэ смогли бросить якорь лишь 19 октября после полудня, когда погода немного улучшилась. Там мы пробыли до вечера 21 октября. Начавшийся внезапно новый шторм вынудил нас к скорому отплытию. Ночью, а также 22, 23 и вплоть до вечера 24 октября бушевал не прекращавшийся сильный шторм, при этом пошел такой густой снег, что наблюдение стало практически невозможным и уже на расстоянии 20 шагов ничего не было видно. Различные части такелажа опрокинулись на палубу. После полудня 23 октября грузовая стрела задней мачты во время своего стремительного падения сильно повредила палубные ограждения. Ледяные волны с шумом перекатывались через палубу, вода заливала каюты – гардероб и постели промокли. В моей каюте все находилось в ужасном беспорядке. Железная печь, диван, мои ящики с куколками и другой багаж были перевернуты, при сильной качке корабля они со скрежетом двигались туда-сюда по каюте. 24 октября после полудня небо настолько расчистилось, что стало видно полоску гор, протянувшуюся вдоль побережья. Мы должны были зайти в Императорскую гавань и пристать возле маленького военного поста Константиновка, но, как оказалось, сильно отклонились к югу. И связано это было с повреждением штурвала во время шторма. Ночью сильное волнение на море стало стихать, и ранним утром 25 октября мы, наконец, вошли в Императорскую Гавань. Необходимо было исправить все повреждения на судне и мы решили остаться здесь до 27 октября. Теплые слова благодарности

мне хотелось бы выразить капитану нашего судна г-ну Лемашевскому, который во время шторма 3 дня и 4 ночи не покидал капитанского мостика.

Императорская гавань окружена цепью гор, покрытых хвойным лесом. Я попытался совершить прогулку по местности, но повсюду лежал такой глубокий снег, что попасть в лес мне не удалось. Да и едва ли можно было надеяться на успех в полностью опустошенных пожаром лесах. 28 октября при хорошей погоде мы обогнули южную оконечность Сахалина, мыс Крильон, и вошли в бухту Анива. 29 и 30 октября стояли на якоре возле исправительной колонии Корсакова, утром 31 в поле нашего зрения долгое время находился северный берег о-ва Иезо [Хоккайдо], 1 ноября перед полуднем мы пришвартовались на короткое время в бухте Владимира, где расположена довольно большая деревня маньчжуров. На берегу я видел огромные кучи морской капусты, разложенной на просушку. 2 ноября мы вошли в бухту Ольги. Невысокие холмы в этой местности были покрыты разреженным лиственным лесом. У одного местного купца я приобрел экземпляр [павлиноглазки] *Saturnia Boisduvalii* Ev., к сожалению, сильно поврежденный. 3 ноября мы пересекли пролив между материком и островом Аскольд, густо поросшим лесом и вошли, наконец, в бухту Владивостока.

Этот, в настоящее время процветающий, город на побережье расположен на склонах гор и узкой полоске суши, протянувшейся вдоль бухты. Лес на холмах и горах в черте города был практически весь вырублен, остались кустарник и отдельно стоящие деревья. Мелкий лесок начинался уже за городом, а в 3–4 верстах от Владивостока произрастал настоящий высокоствольный лес, тоже сильно изреженный. По своему составу он напоминал лес под Хабаровкой, но все же был гораздо богаче чем тот, что на Амуре, так как здесь присутствовали только для этого региона характерные виды деревьев и кустарников, как, например, граб, калопанакс, ясень и барбарис, последний – с очень крупными листьями. Обнаруженные мною здесь 2 вида жимолостей и 2 вида красных клёнов я ни разу не наблюдал на Амуре. Амурский бархат и маньчжурский орех в этих местах были гораздо многочисленнее, чем на Амуре. На отдельных склонах произрастала аралия маньчжурская с многочисленными шипами, причем так густо, что мешала продвижению. В большом количестве здесь можно увидеть древесные вьющиеся растения. На одном из таких растений очень часто встречались гусеницы [пяденицы] *Cidaria Fixseni* Brem. 5 ноября в городе стояла довольно теплая погода, снега в лесу еще не было, и у меня появилась возможность поработать с решетом для жуков, поискать материал под камнями и в опавшей листве. Успех был незначительным, несколько куколок [хвостоносца] *Papilio Maackii* Mén., [бражника] *Kentrochrisalis Streckeri* Stgr. и [павлиноглазки] *Saturnia Artemis*. На всех кустах барбариса в большом количестве сидели гусеницы [барбарисовой белянки] *Aporia Hippia* Brem. Некоторые экземпляры я отправил зимней почтой в Гамбург. На молодых дубах нередко можно было увидеть зеленые но, к сожалению, уже пустые коконы [павлиноглазки] *Saturnia Fugax* Butl. С середины ноября снег и наступивший мороз сделали сборы невозможными. Долгая зима прошла для меня очень быстро, так как я все время был занят препарированием материалов, собранных летом. В конце марта 1885 г. снег так быстро исчез с открытых

склонов, что я смог приступить к переворачиванию камней и очень скоро нашел несколько маленьких перезимовавших гусениц [медведицы] *Dionychopus Niveus* Mén. и очень много маленьких жужелиц. В начале апреля я начал поиски в сухой листве. Гусениц, куколок и жуков было довольно мало, зато я обнаружил много земляных улиток и среди них 4 новых вида (*Helix Cinetoflata* Mousson, *Helix Graeseri* Mous., *Pupa denutata* Mous. и *Diplommatina amurensis* Mous.) Несмотря на то что апрель был прохладным и дождливым, первые *Luehdorfia Puziloi* Ersch. полетели уже 20 апреля, а 30-го числа я нашел 26 экз. этого вида. 12 мая уже начали летать бабочки весеннего поколения [хвостаносца] *Papilio Raddei* Wrem. и их было намного больше, чем под Хабаровкой. В конечном счете, собранный весной этого года во Владивостоке материал не оправдал моих ожиданий. Хотя, после нескольких дней удачных сборов 1881 г., г-н Дикманн и я все же надеялись на благоприятные результаты.

В начале года между Россией и Англией вполне могла разразиться война. В связи с этим были приняты определенные меры, что сделало невозможным реализацию моих целей. Отовсюду, особенно с Уссури, сюда были стянуты войска. Военные разбивали себе лагерь в разных местах леса, вырубая или просто выжигая просеки. В случае поражения России в войне легко могло бы произойти следующее. Английские военные корабли из Гонконга пришли бы во Владивосток и подвергли бы этот совершенно открытый город бомбардировке. Предвидя такую возможность, власти начали строительство лагеря барачного типа, который решили поставить в районе так называемой Первой речки, в 4 верстах от ее устья и в 7 верстах от Владивостока. Это место со всех сторон было защищено высокими горами и в случае нападения на город в лагере могли бы укрыться жители, в первую очередь женщины и дети. В 3–4 верстах от города была замечательная долина [Первой речки]. Во время моего пребывания здесь в 1881 г. это было очень благоприятное место для лова бабочек. Сейчас, в 1885 г., эта местность уже не подходила для моих целей. К барачному лагерю через всю долину тянулась широкая дорога. Лес вокруг был почти полностью выжжен, чтобы хищные звери, обитающие здесь, не могли подобраться к лагерю. Климатические условия во Владивостоке в этом году были для меня не очень благоприятны. Постоянный ветер с моря, часто переходящий в штормовой, а также густой туман все время затрудняли мою работу. Фактически с 1 мая по 31 августа солнечных, без туманов и безветренных дней я отметил лишь 21. Сборы сделались практически невозможными из-за сильной жары и влажности в июле и августе. Часто на следующее утро обувь покрывалась зеленой плесенью. Она пробралась даже в ящики с гусеницами и куколками и нанесла материалу большой ущерб. В результате из 300 гусениц *Saturnia Boisduvalii* Ev., собранных мною с большим старанием, окуклились только 80, из 250 гусениц *Papilio Maackii* Mén. появилось только 68 бабочек. Многие гусеницы были заражены личинками паразитических перепончатокрылых.

Хотелось бы сравнить энтомологическую фауну этого южного региона с фауной Среднего Амура, а также расположенного севернее на 10 градусов и имеющего более континентальный климат Верхнего Амура. Такие роды, как: *Parnassius*, *Colias*, *Thecla*, *Polyommatus*, *Lycaena*, *Neptis*, *Melitaea*, *Argynnis*,

Erebia, *Oeneis* и *Pararge*, в большом количестве обитающие на Амуре, под Владивостоком, напротив, очень немногочисленны или вообще не представлены. Совершенно не понятно также, почему бесчисленные в районе рек Уссури и Суйфун дневные бабочки, которых можно увидеть даже на острове Аскольд, где такой же климат, как во Владивостоке, совершенно отсутствуют, а если и есть, то являются большой редкостью на побережье. Кроме того, разноусые ночные бабочки были представлены в этом году гораздо беднее, чем я ожидал. Так, среди других в июне 1881 г. на елях во множестве можно было найти маленьких гусениц прекрасного [розового шелкопряда] *Psilura Aurora* Butl. Тогда я взял их с собой в Николаевск очень много, а сейчас нельзя было найти ни одного экземпляра. Так же и [павлиноглазка] *Saturnia Fugax* Butl., пустые коконы которой осенью 1884 г. я наблюдал в большом количестве, а сейчас ее не было здесь вообще. И всё же результаты сборов ночных бабочек можно назвать терпимыми (сносными).

Ночной лов проводился даже во время дождя и тумана, в ветреную погоду. Но самый богатый материал был собран, когда наступили ночи, благоприятные для сборов. Особенно удачным оказался лов на яблочную и медовую приманки, когда я поймал очень много бабочек *Lagoptera Elegans* Walk. Необычно было наблюдать и даже бросалось в глаза, что бабочки именно этого вида летели в основном на подвешенные приманки, особенно во время полнолуния. В конце лета и осенью сборы гусениц были довольно результативны, особенно бражников, павлиноглазок и хохлаток. До моего отъезда я собрал около 2000 очень ценных куколок, среди них: 30 *Papilio v. Xuthulus* Brem., 230 *Papilio v. Raddei* Brem., 8 *Luehdorfia Puziloi* Ersch., 62 *Kentrochrysalis Streckeri* Stgr., 45 *Pseudosphinx Inexacta* Walk., 90 *Smerinthus Dissimilis* Brem., 8 *Smer[inthus] Argus* Mén., 4 *Smer[inthus] Tremulae* Tr., 9 *Smer[inthus] Christophi* Stgr., 52 *Smer[inthus] Jankowskii* Oberthur, 9 *Macroglossa Affinis* Brem., 29 *Brahmea Lunulata* Brem., 48 *Saturnia Artemis* Brem., 156 *Mira Christophi* Stgr., 6 *Trabala Cristata* Butl., 320 *Phalera Andraeas* Oberthur, 160 *Lophopteryx Hoegei* Graeser и многие другие; ни в каком другом месте я еще не добивался такого успеха. К сожалению, все они погибли.

Г-н Дикманн и я договаривались, что мое путешествие займет в общей сложности 3 года. Но прошло почти 5 лет, прежде чем я собрался отправиться обратно в Европу. У меня уже не было времени ждать выхода бабочек из куколок во Владивостоке. Кроме того, я считал нецелесообразным брать их с собой на корабль, так как мне пришлось пересекать тропики, а позже холодные зоны. Перемены климата привели бы к гибели всего материала. По моему твердому убеждению, всех без исключения куколок нужно было оставить во Владивостоке, чтобы потом, при открытии зимнего почтового сообщения, отправить их через всю страну в Европу. С этой целью я упаковал куколок, обложив их несколькими слоями мха, в 3 ящика, в которых были проделаны отверстия для воздуха. Ящики пришли в Гамбург вскрытыми, содержимое их было основательно перерыто. За небольшим исключением, все куколки погибли. Я думаю, что это, в первую очередь, связано с тем, что в течение двух месяцев путешествия в условиях холодной зимы ящики транспортировались то на одних санях, то на других, долго стояли на почтовых станциях. Из-за

вскрытия и безжалостного потрошения содержимого ящиков на российской границе многие куколки погибли, некоторое их количество было раздавлено и, склеившись со мхом, образовали твердые комки. Если бы я мог предвидеть такой ужасный результат, то я остался бы лучше во Владивостоке до начала 1886 г. и дождался бы последней стадии развития всех собранных экземпляров.

28 ноября на борту русского парохода «Кострома» я отплыл из Владивостока. 2 декабря мы прибыли в Нагасаки, и до 8 декабря корабль простоял в доке. Большую часть времени я провел на берегу. В энтомологическом плане я обнаружил на садовой ограде множество ползающих гусениц [парусника] *Papilio Xuthulus* Brem. Во время экскурсии в город Топец на стволах хвойных деревьев я заметил в большом количестве личинок, похожих на гусениц *Lasiocampa pini*, возможно *Lasioc[ampa] excellens* Butl. 17 и 18 декабря мы были в Сингапуре, а с 25 по 27 декабря в Коломбо на Цейлоне. 12 января мы достигли Порт-Саида, а 17 января – Одессы, откуда я отправился в Гамбург по железной дороге.

A TRAVEL OF L. GRAESER (1881–1885) AND ITS SIGNIFICANCE FOR
BUTTERFLIES (LEPIDOPTERA, INSECTA) STUDY
IN THE FAR EAST OF RUSSIA

E. V. Novomodnyi

Khabarovskii Natural museum, Khabarovsk, Russia

A contribution of German entomologist L. Greaser in the Far Eastern Lepidoptera study is discussed. A historical review of the entomological researches during his stay in the Russian Far East (1881–1885) is given. A translation of Greaser's introduction to his paper (1888), devoted to description of some details of his trip and remarks about nature of the Russian Far East.